

Белова Ольга

КОМАНДИРОВКА



Ольга Белова

**Командировка.
Сборник рассказов**

«Издательские решения»

Белова О. А.

Командировка. Сборник рассказов / О. А. Белова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-837905-5

Герои коротеньких рассказов обитают повсеместно, образ жизни ведут обыкновенный, размножаются и в неволе. Для них каждое утро призывно звонит будильник. Они, распахивая конкурентов, карабкаются по той самой лестнице, жаждут премий и разом спускают всё на придуманных для них распродажах. Вечером — зависают в пробках, дома — жуют котлеты, а иногда мчатся в командировку, не подозревая, что из неё не всегда возможно вернуться.

ISBN 978-5-44-837905-5

© Белова О. А.
© Издательские решения

Содержание

Сообщество покинувших раковины	6
Старушка-путешественница	10
Месье, Ваш чемодан! И не забудьте даму!	14
Эстафета	18
След на стекле	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Командировка Сборник рассказов

Ольга Александровна Белова

Иллюстратор Галина Сергеевна Коржавина

Редактор Татьяна Хайдеровна Валавина

© Ольга Александровна Белова, 2017

© Галина Сергеевна Коржавина, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4483-7905-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сообщество покинувших раковины

Стас засунул руки в карманы и принялся нервно перебирать монеты: для начала нужно было хотя бы проштудировать статью о мелком хулиганстве, а потом уже браться за дело – не хватало еще влипнуть в историю... Молодой человек хотел было опять усесться между знойной, истекающей соком блондинкой и похожим на чернослив старичком, но тут же взял себя в руки: в конце концов, нужно оставить все сомнения – и вперед! Как говорит Иннокентий, считаем до трех, вдох диафрагмой, медленный выдох и... на выдохе, отбросив все страхи, совершаем задуманное. Страх, как и бессмысленные сожаления, – нерациональное разбазаривание энергии, а в условиях её тотального дефицита допускать это категорически воспрещается!

Стас сделал все по инструкции (то есть как говорил Иннокентий): вперил взгляд в межсубъектное пространство, вытащил дрожащие руки из кармана, усилием воли растопырил пальцы, установил пятерню над головой и сделал неуверенный шаг вперед. Дыхание перехватило (по словам Иннокентия, именно так даёт о себе знать потеря контроля), первым желанием было, конечно, зажмуриться или вообще провалиться сквозь землю (что частично было уже реализовано и даже не требовало визуализации, Стас и так находился под землей).

– Дышать! Дышать! Дышать! – загудел в ушах грозный голос Иннокентия.

Пытаясь справиться с ситуацией, Стас вдохнул, выдохнул, вдохнул... поймал равновесие и завис в состоянии баланса. Справившись с волнением, молодой человек вспомнил, что первый шаг не так сложен, как второй. (Об этом, тоже, кстати, предупреждал Иннокентий, даже приводил статистику, опираясь на прыжки с парашютом, – желающих сигануть в первый раз всегда хватает, кто-то прыгает на спор, кто-то с бодуна, кто-то в честь прекрасных дам, ну а те, кто находится на более высокой ступени сознания, готовы превратиться в лепешку ради о-щу-ще-ний! Совершив первый прыжок, на второй решаются не многие.)

Вспомнив строгое наставление, Стас собрал остатки силы, воли и разума и единым, плотным сгустком толкнул себя в нужное ему пространство вариантов – последовал второй шаг... Рука то ли онемела, то ли вовсе стала каменной, хотелось поскорее убрать её с головы, но Стас, вытянувшись в струну, держался... Третий и четвертый шаг шли не то что как по маслу, но заметно легче. Двигатель как будто завелся и постепенно начал набирать обороты. Стас расправил плечи, до белых костяшек растопырил над головой пальцы и сделал еще несколько осторожных, но верных шагов, стараясь не наступать на ноги окружающих. Рука словно приклеилась к макушке, убери Стас её сейчас, смысл всего был бы сведен к нулю, усилия были бы потрачены впустую, он подвел бы Иннокентия, товарищей по сообществу, но главное, он подвел бы себя – не оправдал бы свои собственные надежды и заложенный в нем потенциал!

Отступать некуда! За нами Москва!

– Ку-ка-реку! – прокричал Стас и, задрав клюв, пошел вдоль прохода.

Дама в желтой беретке откликнулась первая, на секунду оторвала глаза от книжки, признала в Стасе петуха и тут же опять ушла в Кастанеду: то, чем сейчас занимался Стас, для нее было вчерашним днем. В противоположном конце вагона хихикнули два подростка, но тут же нырнули в социальные сети, там еще и не такое увидишь. С некоторым опозданием рядом сидящая тётя окинула молодого человека с ног до головы и опять ушла в себя.

Происходило все именно так, как и говорил всезнающий Иннокентий: каждый находился внутри своей собственной раковины и ему не было никакого дела до окружающих, до какого-то там Стаса, пусть даже кукарекающего. Выход же из раковины – процесс сложный и многоступенчатый (не каждому он по зубам): прежде всего, нужно отыскать в этой раковине самого себя (это только кажется, что сделать это просто); найдя себя, нужно взять

себя за шкурку и покинуть раковину; на этом еще не все, теперь нужно идти и пытаться достучаться до соседних раковин, и, когда другие начнут из них вылезать, нужно всем дружно взяться за руки и вместе начать строить сообщество покинувших раковины. Вместе всегда легче выходить на новый уровень сознания, по одному туда не всегда пускают.

Стас сразу понял, что народ, находившийся в вагоне, в большинстве своем пока не встал на путь совершенства. Дойдя до конца вагона, молодой человек с чистой совестью убрал гребешок, обмяк и опустился на первое попавшееся сидение. Нервное напряжение давало о себе знать. До «Тимирязевской» молодой человек дал себе отдохнуть: закрыл глаза, сконцентрировался на верхнем центре и дал пройти через себя верхнему потоку. Почувствовав теплый прилив (в груди как будто открылся клапан), Стас тут же вспомнил о технике безопасности: сделал несколько коротких резких выдохов из упражнения «Собачка». Вовремя сделал, иначе резкий прилив энергии так бы шарахнул – мало не показалось бы. На «Савеловской» Стас пробудился, по-инному посмотрел на вошедший поток народа. До «Менделеевской» оставалась одна остановка, там народ сменится, концентрация энергии усилится – и можно будет переходить к следующему этапу.

По электронному табло проехали светящиеся буквы. Поезд отъехал от станции с вытянутыми вдоль потолка гигантскими кристаллическими решетками. Стас залез в кенгурятник, достал новенькую щетку для обуви и крем с экзотическим названием «Киви», мельком глянув на окружающих, нагнулся, выдавил жирную гусеницу крема себе на мысок ботинка и стал туда-сюда шуровать щеткой. Чистка ботинок оказалась ерундой по сравнению с «Петухом», на ней, можно сказать, Стас отдохнул.

Покончив с ботинками, Стас подтянул энергию теперь уже из нижнего центра, сбалансировал два потока: следующее задание было архисложным, из разряда упражнений со звездочкой, за такие берутся только уверенные и продвинутые. Продвинутым он пока еще не был, но стремился им стать, поэтому, уже без лишних колебаний, перешел к делу. Иннокентий говорил, что уверенность – это просто маска, и если надевать её каждое утро, то вскоре она станет тобой, а ты ею. Более продвинутые не снимают её даже на ночь, таким же, как Стас, новичкам рекомендовалось пользоваться ею по необходимости и после снимать. Молодой человек представил, как надел маску, грудь гармошкой расправилась, внимательно, без тени смущения, осмотрел ботинки сидящих в рядок людей. Выбор остановил на грязных, потертых ботинках, принадлежащих заспанному, помятому мужчине. С дамами Стас пока не связывался, дамы – это высший пилотаж, даже Иннокентий работает с ними в крайнем случае, тут нужна особенная подготовка. Молодой человек поднялся со своего места, сделал шаг к мужчине, опустился у его ног и с выражением, не терпящим возражений, выдавил на мысок его ботинка черную загоголю. Мужик вытаращил глаза, зашлепал губами, но так и не произнес ни слова: уверенность Стаса в правильности содеянного передалась и ему. Не теряя ни секунды, Стас принялся за работу, щетка замелькала из стороны в сторону. Мужик еще некоторое время пытался ловить глазами щетку, а потом плюнул и даже выставил вперед другой ботинок. Стас довольно ухмыльнулся, он сразу вычислил, что мужик из непробужденных: муть в глазах, неспособность к концентрации, хек после разморозки. Таких в наше время большинство. Рождаются, умирают, женятся, жрут, смотрят телевизор и при этом все время спят. (Стас и сам был недавно таким.) Доделав свое дело, Стас присел напротив обслуженного им мужика и из верхнего центра отправил ему благодарственный посыл. Закончив практику, партнера всегда нужно поблагодарить. Стас прикрыл глаза: из-за неопытности упражнение может отнимать много энергии, позже поток восстановится. В этом вся суть – энергия циркулирует, все кругом пульсирует, и ты живешь, а не спишь. (Движение – это жизнь, как говорили древние греки, а вслед за ними Иннокентий.) Да, кстати, если бы вдруг мужик в ботинках не дался, обругал Стаса или даже применил по отно-

шению к нему насилие – упражнение все равно считалось бы выполненным. Мы живем не только в материальном мире, но также и в мире намерений.

Оставшиеся несколько станций до «Чертановской» Стас обдумывал задания на следующий день, а также прикидывал, что нужно вписать в отчет за неделю. Иннокентий проверял записи еженедельно, вообще, наставник у них был грамотный, направление свое строил на древних практиках, на сегодня оно вбирало в себя всю мудрость веков. Однако прогрессивный Иннокентий не ограничивался одной древностью, не забывал он и про последние достижения современности. Тайм-менеджмент, к примеру, был его излюбленным коньком. Иннокентий говорил, что ни одна секунда не должна быть утоплена в пространстве без эффективного фидбэка¹, обращал внимание Иннокентий и на то, что все показатели должны быть количественными, а значит, измеряемыми. И самое последнее – ставить четкие цели. Стас так и делал, три задачи в день, двадцать одно в неделю – и никаких выходных! В тайм-менеджменте выходных не бывает.

На «Чертановской» Стас вышел, офис недавно переехал из центра в Тмутаракань. Серенькое, неумытое здание находилось в пятнадцати минутах ходьбы от метро. Дорога шла вдоль оживленной улицы. По настоящему совету Иннокентия, каждый должен был находить каждый день пятнадцать минут уединения. Кстати, эти пятнадцать минут можно провести где угодно – в толпе, на митинге: уединение заключено в тебе самом и не зависит от окружения. Молодой человек размашисто шагал по тротуару. Падали редкие капли дождя вперемешку со снежинками. Одна из снежинок упала ему на нос и, став колом, не таяла. Стас недовольно хмыкнул носом, снежинка нарушила уединение, дойдя до офиса, он внутренне улыбнулся – похоже, у него начало получаться параллелить несколько дел сразу (в материальном мире он топал на работу, в ментальном практически достиг уединения), а это уже пахло выходом на новый уровень. Остановившись перед входом, Стас, тряхнув плечами, смахнул с себя капли и, пройдя под стеклянным куполом, приложил пропуск к считывателю. Система зафиксировала вход в здание. Вообще, система была очень умная. Датчики стояли повсюду и фиксировали всё: время прихода, ухода, перекуры, время, проведенное в столовке, просиженное в уборной. Если за день набиралось больше полутора часов простоя, сотрудник получал первое предупреждение. Еще полторашка – второе, вместо третьего – вызов к начальству. «Фикс Индастрис» совместно с новейшей системой давно приучил сотрудников все делать быстро. Но свободу можно обрести даже в застенках. Стас кивком поприветствовал коллег, с некоторыми поздоровался за руку. Рукопожатие усиливает обмен не только кишечными палочками, но и энергиями. Иннокентий особенно настаивал на том, что нужно здороваться с теми, у кого ты хочешь что-то позаимствовать, имелось в виду, конечно, личностное качество. Ты получаешь то, что нужно тебе, взамен предлагаешь что-то свое, при этом никто ничего не теряет, а все только приобретают. А это уже гармония.

Дойдя до рабочего места, Стас включил комп, в животе что-то неприятно булькнуло, как будто съел что-то несвежее. Зазвонил телефон, на экране высветились ненавистные буквы – «К-У-В-А-Л-Д-И-Н». Выслушав собеседника, Стас залез в ящик стола и, прихватив папку, потащился на третий. Кувалдин сейчас будет топтать ногами, кидаться, как тигр... «Хотя почему тигр? – остановил сам себя молодой человек. – Тигром Кувалдин был в прошлый раз, в этот раз будет... бульдогом...»

В лифте Стас поправил галстук, зачем-то дыхнул на зеркало, оставив на нем мутный след, и представил Кувалдина в наморднике и с поводком на шее. Кувалдин продолжал кидаться, разбрасывал вокруг себя слюну, чуть было не дотянулся до Стаса и не порвал ему штанину.

¹ Feedback (англ.) – отзыв, отклик, ответная реакция. (Примечание автора)

Выйдя из лифта, молодой человек взял себе заметку: «Спросить у Иннокентия, как научиться игнорировать Кувалдина». Можно, конечно, попробовать «Водный поток». Техника безотказная, Стас уже не раз применял её дома – и, нужно сказать, не без успеха, хотя последнее время стена воды уже не так надёжно защищала его от Светки. Стас даже подозревал, что Светка тоже таскалась на какие-то тренинги.

Кувалдин продолжал гавкать, даже когда Стас вышел из лифта. Конечно, Кувалдин – не Светка, тут нужна защита помощнее. Подойдя к кабинету, Стас помялся, но тут снова вспомнил про своего учителя – у Иннокентия и против Кувалдина найдется какая-нибудь методика, он её обязательно освоит и станет относиться к Кувалдину ровно, а может, даже покровительственно, доброжелательно, чем черт не шутит. А однажды... однажды вообще все будет по-другому: внешние раздражители, типа Кувалдина или Светки, просто перестанут для Стаса существовать, Стас окончательно пробудится, жизнь его станет совершеннее, он навсегда покинет свою раковину и, наконец, совершит восхождение на олимп совершенства.

Там его, конечно, уже будет ждать Иннокентий, вместе они будут сидеть, курить бамбук и ждать, когда к ним подтянутся другие.

Старушка-путешественница

– Матерь Божья, а грохочет-то как! – Евдокия Михална выглянула из окна вагона и перекрестилась, сжав сморщенные, с синими прожилками губы, посмотрела вниз железнодорожной насыпи и на всякий случай подоткнула кулачок под подбородок – уж очень волновалась за зубы, вернее, за их заместителя: раззяву поймашь и всё, пиши пропало, разлетится вдребезги, а за него уплотнено! Хотя что уж теперь...

Согнувшись над столиком, бабушка нацарапала в раскрытом блокноте четыре цифры – 5960.

– Ох, много, много, – запричитала она. – Это ж надо, в такую даль занесло... Дома-то что не сидится...

В вагоне было шумно, пыльно, но как-то по-домашнему. Проводница, толстая бабища, растопырив ноги и упершись плечом в стенку вагона, копошилась в мешке с бельем. Новосибирск – большой узел, многие вышли, оставив ей грязные простыни и полотенца.

Евдокия Михална занимала крайнюю полку возле туалета и была этому несказанно рада. И на боковушку билет еле достала, а задержись она день-другой?.. Ох, и делов бы наделала... Но сейчас, слава те, Господи, ехала... и ехала аж пятые сутки.

На клочке бумаги, рядом с только что выведенными цифрами, столбиком стояли предыдущие вычисления. Сверху других было нарисовано «9260», бабушка отмахнулась от этого числа, как черт от ладана, – шутка ли, отмахать за раз столько километров! Только и было в этом числе хорошего, что оно у них тут в каждом вагоне на стенке вывешено, а вот дальше пришлось повозиться ей с этой арифметикой, кое-что проводница подсказала, поначалу-то она расторопней была, всё успевала: и на вопросы ответить, и чай выдать, и задом, где надо, крутануть. А потом осерчала на что-то, на Евдокию Михалну шикнула, оттого и пришлось ей искать новые источники информации, потому как до зарезу ей нужны были эти цифры.

Получив отказ от вагонной начальницы, слезы лить не стала, потому как тут же подфартило ей с академиком – портфельчик, лысина, маленькие ручки, подсел он к ним в Слюдянке, занял верхнюю полку, как раз над ней. Окончательно убедило бабушку в том, что попутчик её – человек ученый, то, каким макаром брался он за эту самую теорему Пифагора – пыхтел, морщился, серчал, ежели кто отвлекал его попусту. Методы у академика, однако, оказались шалопутные. Евдокия Михална и теперь с содроганием вспоминала недавно пережитое. Такое увидишь разве что в детективах, со смертельным исходом. Дело было вечером, только они проехали пассажирскую-сортировочную, академик незаметно спустился со своей антресоли, тенью скользнул по коридору, подобрался к казенной схеме, вытащил откуда-то инструмент, открутил два болта и – фьють! – схему эту будто корова слизала. Евдокия Михална всё это время прикрывала его сзади, ох, и натерпелась же она тогда. Возвратившись, академик и вовсе удивил путешественницу – достал линейку и, применив науку, принялся что-то считать. Бабушка тщательно все записала: и результат, и погрешности, хотя, на кой они нужны, так и не разобрала, откель взялась линейка, также осталось за занавесью – в поезде скорее встретишь жареного павлина, чем такую принадлежность. Пока счетовод считал цифирь, бабушка не находила себе места – пропажу мог кто-нибудь обнаружить, тогда всё бы пошло прахом, все усилия псу под хвост... Кто его знает, до чего б дело дошло? А ежели б с поезда ссадили?! Страшные мысли долго еще копошились, не давая ей покоя, Евдокия Михална и теперь, невзначай повернувшись, крестилась, а потом плевала на кого-то сбоку.

Да, хороший был человек, счетовод её перламутровый, жаль, сошел нонче.

Прикрыв блокнот, бабушка оглядела попутчиков. Нечаянно мазнула глазами по мужчине из соседнего закутка, пялиться-то было неудобно, тот, будто воробышек, сидел у ног

укутанной в одеяло незнакомки, девушка с кислым видом разглядывала мелькающие за окном сосны и березы. Не будь в вагоне столько народу – и к бабке ходить не надо, было бы кино для взрослых. Поерзав на месте, Евдокия Михална нащупала ногой запрятанный под низом костыль. Из мужиков-то сейчас никто не вступится, дохлые все, эпатенты, такому и лезть не резон...

Еще дома она смотрела фильм про мафию. Там один шустрый старикашка в случае заварушки костылем во всех тыкал, а из костыля лезвие выскакивало, вострющее-превострющее. У них там, в Европах, тоже, видно, не сахар, преступность разнузданная. А у нас и того хлеще... В её время разве ж так безобразничали?! Мужики при делах были, коммунизм строили, а сейчас, стыдно сказать, такие извращенцы пошли, что и на старух заглядываются. Евдокия Михална на всякий случай подтянула резинку на убежавшем чулке, чулки она носила не из-за всяких там глупостей, стара она для этого, просто с ними легче управиться, когда момент настанет. Движение это не осталось незамеченным, клянчащий мужик перевел взгляд и раздул ноздри.

«Свят-свят-свят!» – Старушка уткнулась в окно, внутри, однако ж, зашевелился червяк. Да разве б сидела она такой шляпой, будь с ней этакий прибор! Да с таким прибором никакой элемент не страшен! Перед глазами вдруг проплыла страшная сцена: дырка в боку, кровяца. Старушка охнула, обомлела. «Совсем из ума выжила, старая дура! Человека чуть не зарезала». И это после того, как её – тлю! – чести такой удостоили!

Чтобы не натворить ничего лишнего, старушка расстелила постель и поскорее улеглась. Благо наступил вечер.

Еще одно утро Евдокия Михална встретила под стук колес. Обстановка несколько изменилась. Клянчащий мужичонка, раскрыв рот, спал на месте красавицы, красавица тихонько, вроде как и не было её здесь, сидела в углу недоделанного купе, на лице не осталось и следа от прежней озабоченности. Нечто подобное Евдокия Михална уже видала в рекламе йогурта. Страдаешь, мучаешься, а потом – бах! – облегчение! И будто заново на свет народился и... порхаешь!

«Быстро же у них сладилось... Добился все ж таки своего, харя бандитская! – Старушка не успела и моргнуть, как снова свернула с дорожки праведной, козломордый-то своего не упустит, но тут же пшикнула на себя: – А ты кто такая-то, осуждать?! Сама молодая не была, что ль!»

Вытаращившись в потолок, Евдокия Михална долго еще лежала, думая уже о своём, прежде чем переключиться на дела утренние, потом достала мыльницу, вафельное полотенчишко и, увидав, что в противоположном конце вагона народа нету, пошлёпала умываться.

По дороге старуха перекрестилась, склонила голову, хотела было отвесить земной поклон, но не тут то было – не успела она сложиться пополам, дверь в тамбуре ухнула. «Ничего, ничего, – успокоила она себя, пропуская вперед мужчину с перекинутым через плечо полотенцем. – Дай только на землю сойду, там уж вволю накланяюсь, и Богородице, и святым угодникам».

Закончив утренний марафет, Евдокия Михална позавтракала и заглянула в свою арифметику. Утро встретило недоброй вестью, поезд опаздывал. По правде сказать, известно это было еще накануне, но она поначалу отмахивалась, надеялась, что за ночь поезд наверстает упущенное, такое не раз бывало: днем – каждому столбу кланяется, а ночью несется, как ошалелый. Однако поезд опаздывал еще больше.

Евдокия Михална охнула, пожалела, что рядом нет академика, в состав бы он, конечно, не впрягся, но хотя бы растолковал ей, что к чему, может, не знала она чего про поезда эти окаянные! Хватанув ртом воздух, старушка поскорее достала укутанный в клетчатый плато-

чек флакончик. По вагону галопом разнесся дух. Накопав себе лошадкину дозу, опрокинула мензурку, стало помаленьку отпускать. Припрятав пузырек, путешественница снова заглянула в блокнот.

– Матерь Божья, это сколько ж еще осталось? Мозги-то совсем усохли... Три тыщи, что ль?

– Две с лишним, – кинула с барского плеча проходящая мимо проводница.

– Батюшки, – только и успела ойкнуть старуха. – Это ж далеко еще как!

– Да что далекого-то? – вскинула бровь вагонная начальница. – Не пешком, чай, идешь, карета везет.

Настроение у проводницы было хорошее, ясное дело, неспроста, в другом случае Евдокия Михална, конечно, докопалась бы до истины, но сейчас не до того ей было.

– Царица небесная! – Старуха чуть не плакала. – Это ж куда занесло на старости лет?!

Тыщи эти адским пламенем горели перед глазами, но в ответ тут же всплыл аргумент: ну как же сестру было не провести?! У сестры-то её нет никого, одна Марья, как перст. Это её Господь родней не обидел, два сына, невестки, внук Степушка.

Евдокия Михална пожалела о том, что нет рядом никого из домашних, а в особенности Степана. Степан в этот год в школу пошел, у него там арифметика, как в институтах, он бы с этими цифрами не хуже академика расправился.

«Да как же ж было не ехать?!» – спорила сама с собой старушка. Марья-то у неё дореволюционная, до неё точно б не доехала, по дороге развалилась, а она, слава Богу, сама еще передвигается, да еще вон на какие расстояния. И, что немаловажно, в своем уме пребывает, официанта к ней приставлять не надо...

Как бы кто ни хорохорился, но докоптить до того момента, когда из ума выживаешь и своих не узнаешь, мало кого прельщает, горшки-то – это еще цветочки.

В своих Евдокия Михална никогда не сомневалась, хотя, как и все, меньше всего хотела быть обузой для своих родных. В богадельню б её не сдали, в этом старушка была уверена, невестки хоть и жужелицы, а Его боятся. И сыны у нее хорошие, хоть и поглупели трошки за бабьими юбками. «Ну и пусть! – резонно рассуждала Евдокия Михална. – Семейным-то человеком быть солиднее, да и ей спокойнее... Бабы сейчас кого хошь в бараний рог скрутят, за ним не пропадешь!.. Эх, только бы доехать без приключений, только бы своим свиной не подложить...» – заерзала опять старуха. Как сон-то приснился, она сразу напрямик на вокзал билет брать, там же на всякий случай расценки узнала, сколько выйдет посылку переслать с её рост, килограммов на пятьдесят пять – шестьдесят, уж больше-то она точно не усохла, да чемодан в придачу. Как сумму объявили, аж перед глазами потемнело – старшего сына ползарплаты. «Но, слава богу, и без посылки дело сладилось», – ухмыльнулась старуха. Едет вот собственной персоной, на одном матрасе лежит, другим прикрывается!

Старушка хотела было опять отвесить земной поклон, но ограничилась степенным ознаменованием себя крестом. Доехать бы только поскорее.

Следующие два дня прошли в заботах, пока крутишься, и время бежит быстрее. Евдокия Михална вызвалась помогать вагонной стюардессе, сначала хотела чай носить, но Галина, проводница, не доверила. Старуха не обиделась, Галине-то с высоты своей должности виднее, что можно человеку доверить, а чего нет, зато с позволения начальницы стала собирать за прибывшими белье. И человеку хорошо, до простыней ли ему, тюки да баулы считает, и Галине приятно, умаялась она, бедная, из края в край страну паровозить, а ей так лучше всех – при деле, не изводит себя километрами.

Старушка хлопотала, а поезд все бежал и бежал, чертя линию с востока на запад. Поначалу ей казалось, чем ближе будет она подбираться к дому, тем ей будет покойнее,

но какой там... В последний день волновалась пуще прежнего – не спасали уже ни постельные обязанности, ни разглядывание новеньких, ни даже экскурсия в вагон-ресторан – сходила больше для галочки, случая-то такого больше не предвидится...

Поезд гроыхал все сильнее, наверстывая упущенное, на столе дребезжали стаканы, Галина шепнула, что приедут вовремя, без опоздания. Изредка мелькали маковки церквей, каждый раз, увидев золотые кресты, Евдокия Михална вздрагивала и тут же вздыхала о том, что всё пронеслось так быстро. Жалела старушка только об одном – о том, что не взяла с собой «Жития», как бы они сейчас пришлись, такая это была книга, что и другие не нужны. Принялась за молитвы, благо многие знала по памяти. Перво-наперво Матери Божьей, заступнице. От нее весть пришла, сама Царица небесная во сне к ней явилась...

Поезд уткнулся в тупик, рельсы наконец кончились, на перроне Евдокию Михалну встречал старший сын и Степушка. Вот радость-то! Степушка прихватил с собой и Феникса. Феникс, поджав хвост, жался к мальчику, это только дома всякий герой. Домой ехали на машине, с парковкой в центре сейчас такого нагородили, но сын все равно встречал на машине. Всю дорогу пёс жался к Евдокии Михалне, пару раз заглянул в глаза и смотрел долго-долго. Подъезжая к дому, старушку стало отпускать. «Ну, вот и прибыли... Что уж теперь-то волноваться... Дома... И поезд не подвел, и с посылкой родственникам канителиться не пришлось».

Степушка что-то рассказывал о школе, но она слушала вполуха, припоминая, все ли у нее готово: одежда, обувь – всё давно лежало в шкафу. Старушка хотела было подсказать сыну, но передумала: в шкаф заглянут, всё и найдут, не маленькие.

– А пятнадцатое ж когда? – невзначай спросила старушка.

– Завтра, – как всегда, ответил за всех Степушка.

Зайдя в подъезд, старушка, ни на кого не обращая внимания, перекрестилась и отвесила земной поклон.

– Честь-то какая, – пробормотала в который раз она.

«А из дома лучше завтра уйти, чтобы Стёпушку не напугать», – заходя в квартиру, взяла себе на заметочку Евдокия Михална.

Месье, Ваш чемодан! И не забудьте даму!

Каких только не встретишь теперь такси. Раньше все было просто: если «Волга» с шашечками, да еще мужик в фуражке – всё, значит, такси. Двадцать копеек за посадку, дальше по счетчику. Пятнадцать минут – и ты уже на Арбате, там на Смоленку, высотки, бульвары, кольцо. А сейчас... сейчас кто только за баранку не лезет. А сколько вариантов этой услуги? Пропать! Есть, например, дамское такси, это когда баба за рулем. Вообще, за последние лет двадцать наметился страшный эволюционный скачок. Бабы куда только не лезет, во что только не ввязывается, чуть что – «Я сама!», тянут всё на себе, покуда пупок не развяжется, парочка, может, и сдохнет для отвода глаз, а остальные прут с еще большим энтузиазмом. Такси этим куклам тоже понадобилось. Обоснование подвели: дескать, для пассажирок женского пола безопасней, когда баба бабу везет, с мужиком-то – водителем, глядишь, что и выйдет. Бабы все-таки не блещут ни умом, ни сообразительностью, опять сами себя обхитрили. Сейчас ситуация в стране знаете какая? Аховая... После сорока у каждого второго на полшестого, каждый второй – это страшная цифра... Сидячий образ жизни, стрессы и всё такое. Берегите себя, здоровье ни за какие деньги не купишь, хотя речь сейчас не об этом.

Бывает ВИП-такси (три большие буквы не просто так пишут). Это такси не для всех, для определенной категории граждан. В нашей российской действительности явление это получило последнее время широкое распространение: в кинотеатрах, ресторанах, самолетах и пароходах – везде есть эти самые зоны. О чем это говорит? О том, что у нас много приличных людей развелось! И это хорошо, меньше шушеры всякой! Отношение к подобной публике тоже особое: внимательное, предупредительное... В больнице все хоть раз лежали, там любого выслушают, пожалеют, какой бы финт ни выкинул – не обидятся. Так вот, к этим примерно такое же отношение. Может, конечно, посмеются, у виска покрутят, но не обидятся. Все же понимают, люди эти – особенные, очень нежные, промеж остальными существует даже некая негласная договоренность – «Не тронь его!». Но едем дальше.

Есть такси – обхохочешься – для собак. Ну, или других братьев наших меньших. А что, клиент есть клиент, хоть лохматый, хоть пернатый, твое дело – вези. А мы и везем. Помимо собак, и другие экзотические клиенты попадают. Я, к примеру, раз попугаев перевозил. Умора! Я тогда еще без опыта был, согласился: думаю, птички хорошие, довез я их, значит, передал из рук в руки, всё по накладной, ни один клиент дорогой не сдох, у одного только вроде как хвост пожже стал, но это ничего, в дороге всякое может случиться, расплатились, всё чик-чирик, миссия выполнена. В кузов сначала даже не глянул, а потом стал дверцы прикрывать – мама мия! – курицы зеленые, чтоб вы все облезли... машину потом полдня отмывал. Попугаев это я так, фигурально взял, потому как свиньи не только среди них встречаются. Хотя на каждой работе сюрпризов хватает, только вот не от всякого сюрприза так просто отмыться можно...

Продолжаю обзор. Есть в нашем бизнесе и особое направление — «расширенный круг услуг» называется. Туда не так легко попасть. Конкуренция аховая. Туда мальчишки модельной внешности идут, если вдруг в клубе зацепиться не удастся... сами понимаете, какие у этих пионеров функции. Причем кого везешь, бабу или мужика, не важно, – клиент должен быть обслужен. Деньги, говорят, лопатой гребут. Я, чтоб вы не подумали, не завидую, но и камень не бросаю – по-разному жизнь развернуть может. Эх, что там говорить, чуть было сам в их ряды не угодил. Данные у меня позволяют: бицепсы, трицепсы, атлетическое телосложение, всё в себя подобрать – так даже рельеф присутствует. Вышло всё из-за Сусаночки, супруги моей. Она у меня продавцом всю жизнь, ноги, как у слона, вены, как у верблюда горбы, буграми вздымаются, смотреть больно. Проконсультировались, врачи

говорят, случай запущенный, денег готовьте кучу, а лучше две. А где их взять-то, денег? Дачу продать? Сусанночка ни в какую, столько лет собирали, последнюю шкурку с себя сымали. Время идет, ей всё хуже, а мы ни с места. Я её посвящать не стал, а сам морально подготовился, в зал тренажерный абонемент взял, на собеседовании (меня уже проконсультировали) кубики показывать нужно, настроился. Не пропадать же Сусанночке. Хотя, конечно, настроение сильно испортилось. Так что дошел до самой черты (это к вопросу о камне), даже средства защитные купил... И тут вдруг – трах-бах! – меня один останавливает: глаза выпучил, руками трясет, чуть не под колеса бросается. Шеф, всё пропало... Ну, знаете, как это бывает... Из нечленораздельного выудил то, что мне нужно: Домодедово, симпозиум, два часа до вылета. Ясное дело, случай критический. Мужика подхватил и втопил. Азарт, черт побери! Тут никакие штрафы не остановят. Гоним. Каширка, за МКАД вырвались. Педаль в пол. Благо трассу расширили. Успели. Через турникеты, к центральному входу и по тормозам. Мой козлик уже вокруг машины прыгает, благодарит, если бы время не поджигало, наверно, на грудь бы кинулся, а так только через плечо и успел кинуть: «Обращайся!» – а сам визитку впопыхах на капот уронил и унесся в терминал. Я глазами его проводил, вылез, визиточку взял, на ней золотыми буквами выведено – «Сергей Александрович Синицын, профессор, член, корреспондент, доктор, эксперт...» Держу я эту визиточку, а у самого мысль мелькает: может, он и по Сусанночкиной болезни специалист? Чуть обороты сбавил: дядя вроде взрослый, пора бы научиться к подобным обещаниям относиться скептически. Золотые-то горы кто только не обещал. Армянин один клялся каждую зиму по ящику зелени презентовать: «Кинза, базилик, тархун, все будет, дарагой». Ага, держи карман шире. Нет, думаю, не выйдет ничего с доктором и экспертом! А все-таки внутри что-то зудит: позвони да позвони. Неделя прошла, вторая на исходе, Сусанночке ничего не говорю, чтоб зря не обнадеживать... А-а-а, чем черт не шутит, звоню! Гудки, соединение, голос в трубке, опаньки, мужик меня вспомнил, чуть не пять минут благодарил, симпозиум этот, оказывается, был для него делом всей жизни. Вот так вот! Удача смелым улыбается! Короче говоря, закончилось тем, что Сусанночке по его рекомендации операцию сделали – и по самым демократическим расценкам. Дачу продавать не пришлось, по-прежнему всех, кто не успел спрятаться, кабачками снабжаем, ножи у Сусанночки как у балеринки теперь, ну, а я честь свою сберег, между нами, девочками.

Что-то я опять не в ту степь. Как говорят люди деловые, вернемся к бизнесу.

Во всяком деле – и мы не исключение – есть своя внутренняя кухня, бэк-офис называется. Для тех, кто в бизнесе не ориентируется, поясню: так называются трудящиеся, к клиентам доступа не имеющие: бухгалтерия, склад и прочие. Такие, как я, – это фронт-офис, белая кость. Фронт-офисом быть престижно, бэк-офисом – не очень, хотя не везде так. Над всеми начальство, принцип тот же, что и везде: я начальник – ты дурак... Хотя, справедливости ради нужно сказать, последнее время начальство о нас заботится, работает над повышением нашего уровня, тренинги устраивают, учат быть клиентоориентированными – личность везешь, не мешок картошки! Мы теперь не просто водилы, мы – лица, предоставляющие услугу. О как! Раньше за безаварийность боролись, а теперь к каждому клиенту свой ключик подобрать надо. Понятное дело, в грязной машине, в шортах и сланцах, без педикюра сделать это сложнее, чем напомаженному. Я тесты все на пятерки сдаю, подход к любому найду, хоть ежа ко мне посади. А кто к новым условиям не приспособился – отдыхает на обочине.

Есть у нас и своя особая колонна – иностранный легион. За счет фирмы на курсы по языкам отправляют. Цель поставили: в нужный момент не растеряться, по необходимости вставить «месье», «парле», «але». На китайском так вообще всем выдали несколько фраз для заучивания. Начальство у нас дальновидное, в корень смотрит. Хотя ежели весь милли-

ард к нам припрет – мало не покажется, тут должна быть очень аккуратная политика, тут никакого парка не хватит, чтобы развезти всех...

Поведение в конфликтных ситуациях, жесткие переговоры – всему этому тоже учат. А один раз был у меня случай и вовсе криминальный: осень, дождь льет, как из ведра, тормозит меня один хмырь в плаще. Разговоры, то да сё, как бы невзначай вворачивает:

– Хочешь, – говорит, – Семен, зарабатывать в десять раз больше?

С чего он меня Семеном назвал, я сперва не понял, а потом догнал, для конспирации.

– Кто же откажется? – А сам за дорогой слежу, вроде как не очень меня это все интересует, и невзначай так спрашиваю: – А что делать-то надо?

– Пустяки, – говорит. И замолк, видно, интерес во мне подогревает.

Интерес и правда присутствует.

– Толком-то говори, что делать. Мурку не води.

Хмырь на светофор вытаращился и бросает небрежно:

– Да так, посылочку одну раз в полгода отвезти... из пункта В в пункт С.

– Сколько?! – это уже я спрашиваю.

Хмырь ответил. Я горло прочистил.

«Заманчиво, можно было бы Сусанночку на море вывезти, лет двадцать уже не была», – это я про себя рассуждаю, а так молчу, как рыба. Перестраховался – вдруг, думаю, мужик их органов, а сам краем глаза его изучаю: нет, не из органов, да и кому я нужен, меня проверять: не состоял, не участвовал, – да и наружность у него бандитская. Что они там перевозят? Оружие? Наркоту? А может, боеприпасы, тротил? Это уже другая статья, о терроризме, сейчас с этим строго. Отказался я, короче. Не жили богато – и нечего начинать. Сам потом аккуратно поинтересовался: оказывается, бизнес этот у нас пышным цветом... Да, Москва – город большой, дураков много...

Да, чего со мной только на дороге не случилось: и под колеса бросались (есть у нас категория граждан, которая этим зарабатывает, и неплохо живет, кстати. Одна бабка-камикадзе вообще решила с моей помощью на тот свет отправиться, еле затормозить успел), и на честь мою покушались! Ежели бы вы знали сколько раз, не счесть! Какие только бабы на шею не вешались!

А один раз случай и вовсе комический вышел. Парочку одну подвозил. Всю дорогу ругались, думал, машину разнесут. Догрызлись до того, что он меня за плечо хватает и на полном серьезе:

– Забирай её, сил моих больше нет! Забирай и всё!

Я чуть руль из рук не выпустил, куда она мне, у меня дома Сусанночка, она у меня хоть женщина и мирная, но зачем будить зверя?

А мужик наседает:

– Хочешь, говорит, сто тысяч дам! Забери только дуру!

Пассажирка в слезы, подвизгивает.

Я молчу, боюсь, что не так ляпну, тогда уже не отверчусь от подарочка.

А он глаза выпучил и голосом Левитана: «Двести... Триста... Четыреста...»

Потом как кулаком по торпедке треснет – «Миллион!»

Я за баранку вцепился, баба снова в рёв, тушь потекла, нос расширился, страшилища, такую и за два не надо...

Холод по спине, а сам думаю: чем это катавасия закончится? Мужик вдруг замолк, цену больше задирать не стал, сам, видно, понял, что и на миллион баба его не тянет, а потом вижу, потихоньку стал оттаивать. Да, бабьи слезы и лёд растопят. Довез я их, значит, до места назначения, выскакиваю, к багажнику, чемодан хватаю, машину обегая и перед мужиком ставлю, дорогу ему преграждая: чтоб не сбёг! В глаза смотрю, а сам твердо, но учтиво, как учили на тренингах, говорю:

– Месье, ваш чемодан!.. И не забудьте даму!

Баба с заднего сидения выскочила, на шею к нему. Накал страстей. Тьфу, Санта-Барбара, сопли, слезы, я скорей в машину – и видали меня.

Два квартала проехал, притормозил, выдохнул. И тут меня вдруг такой смех разобрал: надо же, и тут вывернулся, такие деньжищи предлагали, а я не купился! Да-а-а, что там говорить: какие бы времена ни были, какие бы предложения в мой адресе ни поступали, я с гордостью могу сказать – всегда оставался верен себе... и своей Сусанночке.

А свинья грязь везде найдет, на какую работу её ни поставь.

Эстафета

– А вообще-то, он у меня покладистый. – Варвара Петровна приподнялась на подушке и бросила очередной пристальный взгляд на сидящую перед ней женщину. Женщина ей все больше и больше нравилась. Наврала про себя совсем немного, к тому же, чего греха таить, окажись Варвара Петровна на её месте, она бы, наверное, тоже скрыла подобные факты своей биографии. Эх, родственнички-родственнички, кого хочешь под монастырь подведёте...

На маленьком столике возле кровати, на которой сейчас лежала Варвара Петровна, лицом вниз покоились несколько листов с подробной справкой о гостье: недвижимость, собственность, все те же родственники, кредиты, судимости (таковых не имелось), трудовой стаж и даже автомобильные штрафы – короче, вся её подноготная. В наши дни, имея связи, чего только не достанешь, а у Варвары Петровны руки были ещё какие длиннющие, если была в том нужда. Если теоретически предположить, что сидящая перед ней женщина вела с кем-нибудь тайную переписку (электронную, конечно, возможно, даже любовного характера), Варвара Петровна нашла бы лазеечку и к этим сведениям. Для этого в наши дни не нужно быть семи пядей во лбу и даже не нужно быть секретным агентом, рисующим всякие пакости на вражеских сайтах, – нужно сделать всего лишь один звоночек, и вся переписка в лучшем (то бишь печатном) виде будет лежать на журнальном столике. Эх, если б всё в жизни так просто решалось... К имеющемуся секретному источнику Варвара Петровна обращалась крайне редко, вот и сейчас повременила. Во-первых, уже имеющаяся справка давала более чем исчерпывающий ответ касательно сидящей перед ней претендентки; во-вторых, не хотелось расширять круг лиц, посвященных в её тайну: человек слаб, знают двое – знает и свинья! Не дай Бог, сболтнет лишнее, и слухи дойдут до него! К тому же хотелось что-то оставить и для себя: первое впечатление, личный контакт – вещи немаловажные.

– Покладистый, порой даже слишком, – повторила Варвара Петровна.

Претендентка утвердительно кивнула, так, как будто уже имела возможность убедиться в том, что Петр Андреич именно такой, каким его описывают.

– Ох, устала... – Варвара Петровна натянула до подбородка одеяло, прикрыла глаза. Этот трюк она уже проделывала не раз, и, надо сказать, многие претендентки именно на нем и срезались.

Претендентка еле слышно охнула и стала пристально рассматривать лежащую перед ней женщину, та расслабила члены и приложила максимум усилий, чтобы левое веко не дергалось. Гостья еще раз вздохнула и аккуратно поправила сползшее вниз одеяло. Пять минут, шесть, семь. Варвара Петровна, устав от неподвижной позы, пошевелилась. «Это ж надо, сидит, как мумия, не шелохнется!» Наконец, будто спящая красавица, она распахнула редкие ресницы и, как в первый раз, поглядела на сидящую рядом женщину. «Ну наконец-то, наконец... – светилось в её глазах, на щеках заиграл лихорадочный румянец, она довольно зашуршала одеялом. – Вот и нашлась... Подходящая! Достойная!»

Стыдно сказать, чему она только не стала свидетельницей во время этого своего трюка. В основном пожаловавшие к ней претендентки за несколько минут её липового беспамятства успевали как следует осмотреть комнату, была и такая, что метнулась к шкафу и, пока Варвара Петровна, раззявившая для пущего эффекта рот, откинулась на подушке, перевернула там всё вверх дном, а одна, смешно сказать, залезла под матрас и, несмотря на возлежащую на нём хозяйку, обшарила всё и там. Люди нынче ничего не боятся... Сколько ж она пересмотрела за месяц этих горе-претенденток?.. И ни одна никуда не годились... Оставь такую с Петром Андреевичем, она же обчистит его как липку или, чего доброго, выгонит на старости лет из дому. И тут этот клад. Жемчужина!

Жемчужина, увидев, что Варвара Петровна открыла глаза, оживилась:

– Да вы скажите... Может, нужно что?

Варвара Петровна неопределенно махнула рукой:

– Подушку бы повыше, под спину.

Гостья засуетилась, подтянула Варвару Петровну и усадила, как куклу, прислонив к спинке кровати. Варвара Петровна глянула на часы, нужно поторопиться, вдруг раньше времени вернется.

– Самое главное нужно обсудить. – Хозяйка угнездилась поудобнее. – Знакомство...

Обе женщины насупились, вопрос, что ни говори, был деликатный.

– Тут вам советчик нужен. – Варвара Петровна поджала губки, личико её еще больше заострилось. – Как ни крути, а я его лучше знаю. – Хозяйка как будто бы еще раз застолбила принадлежащую ей пока территорию.

Гостья протянула к ней руку, взяла её иссохшиеся пальцы и накрыла их своей теплой ладонью. Варвара Петровна притихла, нахмурилась и все-таки отдернула руку.

– А вы очень даже... В его вкусе... Голубоглазая... Пышная, – чтоб хоть как-то разрядить атмосферу, попыталась пошутить она.

– Да что вы! – Претендентка, как семнадцатка, смутилась и аккуратно поправила блузку на действительно пышной груди. Варваре Петровне это тоже понравилось. Еще одна её догадка подтвердилась. Претендентка была женщина скромная, из того разряда, которые если и знают о своей красоте, то вроде как её и не замечают. В молодости она была безусловно хороша. Выцветшая, вылинявшая сейчас голубизна тогда еще из глаз не ушла, кожа когда-то была фарфоровой, нежной, шея длинная, это осталось, волосы седые, белые, не растрепанные, не крашенные. Сама-то Варвара Петровна была совсем не такой, всю жизнь была тонкая, звонкая, как щепка... И как он только её высмотрел? Варвара Петровна опять натянула на себя одеяло. А ведь заметил, и ведь душа в душу столько лет прожили... а сейчас... сейчас на нее смотреть страшно: кожа и кости, желтая... Варвара Петровна прикусила губу, не давая себе расчувствоваться.

– Знакомство... знакомство... – пробубнила она, однако на ум ничего не шло.

– Может быть, в магазине? – осторожно предложила претендентка.

– Да что вы?! – Варвара Петровна тут же забраковала высказанную идею. – Сам он ни в жизнь не подойдет, ну, а вы ж навязываться не станете?.. – Вопрос прозвучал утвердительно, гостья еле заметно кивнула.

– Нет, тут нужно что-то другое. – Варвара Петровна, усиленно соображая, притихла, а потом натянуто улыбнулась: – А может, на кладбище?

Претендентка всплеснула руками, ничего не сказала, только с укоризной поглядела на нее: «Да зачем же терзать себя? Мыслями такими мучить?»

Варвара Петровна, будто специально не обратив на это внимание, стала размышлять вслух:

– А что? Он будет часто меня навещать... А тут вы, посочувствуете, слово за слово... – Варвара Петровна на полуслове запнулась, но тут же опять нашлась – было в её характере что-то несокрушимое. – Неужто забыли? «Москва слезам не верит», неугомонная-то эта где только счастье свое не искала!

Гостья промолчала, Варвара Петровна осеклась:

– Ну, где же тогда? Может, консержкой пойдете? У нас подъезд чистенький, жильцы хорошие, я и сама одно время сидела...

Женщина качнула головой.

– Ах, ну, да... – Варвара Петровна вмиг сообразила (еще в недавнем прошлом гостья её была вон кем, а тут консержка...).

И все-таки нужно было что-то придумать. Обе женщины опять притихли.

– А может быть, всё как-нибудь устроится, само собой. Я что-нибудь придумаю... – наконец проговорила гостья.

В стройной системе координат Варвары Петровны это было все равно что положиться на авось. Не любила она эту не очень красящую нас черту. Но сейчас от сидящей перед ней женщины, от её слов шло такое тепло, такая уверенность в том, что всё обязательно устроится, что уверенность эта передалась и ей – и она неожиданно согласилась:

– Да, и правда устроится...

Гостья вытащила из сумочки толстую записную книжку и ручку:

– Может, я тогда запишу остальное? – Ей хотелось поскорее сменить щекотливую тему.

Варвара Петровна кивнула и, стараясь ничего не забыть, начала диктовать.

– У него язва, лучше давать всё щадящее, ничего жареного, кислого, соленого, на уговоры иногда опрокинуть рюмашечку ни за что не соглашайтесь! – Хозяйка остановилась, передохнула, длинные предложения ей давались с трудом. – Того, что Петр Андреевич потребляет тайком для рубцевания язвы, вполне достаточно, – закончила мысль она.

Гостья, стараясь успевать, все старательно записывала.

– Белье я ему «Аистенком» стираю. – Варвара Петровна глянула на гостью и извиняющимся тоном добавила: – От остального Петр Андреевич чешется. Курить – категорически нет, будет настаивать – сразу звоните доктору.

Если будут звонить из института и надоедать, Петр Андреевичу не говорите, много развелось охотников свести дружбу со старым профессором. Одевать нужно тепло.

Варвара Петровна лихорадочно перескакивала с темы на тему, в эти моменты гостья отрывала глаза от бумаги и смотрела на нее чуть задумчивее, чуть печальнее.

– Ботинки обязательно сушите. И таблетки... сам не вспомнит... не попросит. Характер такой, ничего никогда для себя не просил, хотя при его-то положении мог... – Варвара Петровна хотела было приподняться, но только протянула руку в направлении стены. – Да вы поглядите, там, в шкафу, и фотографии есть. Как же это я про фотографии забыла...

Гостья, чтобы только успокоить хозяйку, поскорее раскрыла дверцы шкафа.

На полке лежал старый семейный альбом, обшитый красным бархатом.

Взяла альбом и опять под села к Варваре Петровне.

Раскрыла первую страницу. Петр Андреевич, такой молодой, юный, посмотрел на них орлиным взором.

Варвара Петровна провела дрожащей рукой по его губам, волосам, глазам.

– Хорош, – проговорила она. – И сейчас хорош, а уж в молодости был какой... Только глянет, а сердце уже заходится...

Варвара Петровна перевернула страницу. Здесь они уже сидели рядом. Она в незамысловатом легком платьице, Петр Андреич в белой широкополой шляпе.

– Я-то так себе была, – махнула она рукой, глядя на свое старое фото. Девки за ним такие увивались... нахалки и после свадьбы проходу не давали... а он как приклеился ко мне... Хотя не знаю, может, что и было когда... – перемахнула она еще страничку.

От страницы к странице Петр Андреевич вырос, мужал, становился солиднее, к середине альбома чуть поправился, к концу в волосах появилась седина. С последней страницы на колени гостьи сползла карточка.

– Возьмите, – попросила хозяйка.

Гостья глянула на карточку. Варвара Петровна бросила на нее... нет, не ревнивый, скорее, чуть тревожный взгляд. Гостья аккуратно убрала фотографию мужа лежащей перед ней женщины в сумочку и засобиралась.

– А как же задаток, я ж вам задаток должна, – вдруг спохватилась Варвара Петровна.

– В следующий раз, я завтра приду...

– Завтра так завтра, – кивнула хозяйка. – Но вы же не откажетесь, правда? – опять спохватилась она.

– Не откажусь... – Гостя опять накрыла её руку своей ладонью и только потом взяла сумочку, прошла в прихожую, накинула на плечи платок.

Петр Андреевич сидел на лавочке возле подъезда и ждал, пока мимо него пройдет очередная претендентка. Расстраивать Вареньку лишний раз не хотелось. Если уж она так решила, то пусть так и будет. Тяжелая железная дверь ухнула, и аккуратненькая, довольно миловидная женщина вышла из подъезда.

– Эх, Варвара Петровна, и здесь знаешь, как угодить... – Петр Андреевич зашел в подъезд.

– Петенька, ты? – долетел до него угасающий голос супруги. – Холодно, шапку-то что не надел?..

– Надел, Варенька... – Петр Андреевич провел рукой по седым волосам, снял с крючка шапку, натянул её на макушку и прямо в шапке прошел в комнату.

Варвара Петровна засуетилась, приподнялась на локте, но, выбившись из сил, снова опустилась на подушки.

След на стекле

Влад не спеша вел машину. Основной пятничный поток уже схлынул, и навигатор вместо привычного для этого времени суток красного путь от офиса до дома залил зеленым. Через каких-нибудь полчаса он окажется дома, а сейчас самое время расслабиться – возможность побыть вне зоны доступа выпадает не так часто. В современных условиях для того, чтобы все оставили тебя в покое, нужно проделать ряд магических действий: сменить часовой пояс, забраться на горную вершину или дать поглотить себя морской пучине. Мир, не имея возможности дотянуться до тебя сигналом связи, перестает для тебя существовать, ну а ты – А-а-аллилуйя! – перестаешь существовать для него! Не каждый может себе это позволить, подобное осуществимо только при условии уверенного финансового присутствия, ну а деньги обладают странной особенностью: вот они есть, но сразу их нет!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.